

**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
2019-2020 УЧ. ГОД**

9 КЛАСС

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (время выполнения 3,5 астрономических часа (210 мин.), максимальный балл – 70) и творческое задание (время выполнения – 1,5 астрономических часа (90 мин.), максимальный балл – 30). Внутри общего времени (5 астрономических часов (300 мин.)) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1. Напишите целостный анализ рассказа Вячеслава Пьецуха «Дачники». Выполните целостный анализ предложенного произведения. Вы можете опираться на данные после него вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Опорные вопросы:

- 1. Как темы для разговоров характеризуют героев рассказа?**
- 2. Как соотносятся между собой жизнь дачников и жизнь природы?**
- 3. Как в рассказе проявляется авторская позиция?**
- 4. В чем смысл названия рассказа?**

Максимальное количество баллов – 70.

На берегах той самой реки Угры, где некогда государь Иван III перестоял Ахмет-хана, существует деревня Новые Михальки. Деревня, по нынешним понятиям, не маленькая, дворов в двадцать пять, плюс заброшенная зерносушилка, похожая на огромные сломанные часы и оставляющая даже несколько фантастическое впечатление, плюс небольшой пруд, наполовину заросший осокой и камышом, да еще американский школьный автобус, который много лет ржавеет посреди деревни, и вообще непонятно, как он сюда попал.

Новые Михальки замечательны тем, что, во-первых, они стоят по обоим берегам Угры, и чтобы, положим, луковицу попросить у односельчанина, реку нужно переплыть, а во-вторых, живут тут главным образом москвичи. В соседней деревне Ванино еще обитают несколько семей природных крестьян, а Новые Михальки опустели лет так тридцать тому назад, когда в Юхновском районе пошла мода на паспорта. Мало-помалу заброшенные усадьбы пораскупила приезжая публика, главным образом москвичи, заселившие правый берег, а на левом берегу по-прежнему коротали годы остатки туземного населения, именно бобыли Василий Иванович Яхонтов, бывший начальник водонапорной башни, и отставной, пастух Семен. У этих усадьбы пребывают в самом плачевном виде: на дворах валяются охваченные тлением механизмы, собаки забитые, куры тощие и едва оперенные, точно их до времени ошпиливали, в избы противно ступить ногой. А у дачников ничего: заборы всё новые, дома крыты шифером и выкрашены в увеселительные цвета.

Третья изба, если считать от заброшенной зерносушилки, принадлежала семье Симоновичей, состоящей из хозяина Петра Петровича, его жены Веры, дочерей Ольги и Любви и маленького кобелька по кличке Аккордеон. У этих Симоновичей чуть ли не каждый вечер собиралась компания деревенских соседей, которые почти не знали в Москве, а тут любили посидеть вместе, потолковать о том о сем. Являлись они под вечер всегда приодетыми, но на открытой веранде у Симоновичей сидели босыми, так как Вера Симонович была чистюля и у нее, когда ни зайдешь, свежeweымытые полы.

Итак, августовский вечер, солнце над Угрой висит низко, чуть-чуть не касаясь верхушек сосен, и являет тот печальный, даже угрюмый цвет, который еще дают догорающие костры. Нагретый ветерок, почему-то пахнущий лебедой, слегка шевелит занавески из полосатого, матрасного, полотна, на той стороне чья-то собака брешет, на московской стороне кто-то завел электрическую пилу. За столом, не считая хозяев, сидят: Сережа Чижиков, чета Книгеров - Митя и Маша, и, словно в насмешку, Иван Иванович Иванов. На лицах у всех благостное выражение, даже у Веры Симонович, которая в тот день мучилась приступом язвенной болезни и гости ей были остро не ко двору. Сережа Чижиков говорит:

- Есть мнение, что мысль существует независимо от языка, - может быть, и так, но это еще вопрос. То есть мысль мысли рознь. Если мы разумеем под мыслью силу, направленную на изобретение колеса, тогда слово действительно ни при чем. Ну разве что оно необходимо в том смысле, чтобы передать кому-то знание о функции колеса. Но если под мыслью мы подразумеваем силу, способную постичь и сформулировать

категорический императив, то в этом случае слово и мысль неразделимы, в этом случае слово и мысль - одно! Или можно так сказать: тут мысль есть слово, а слово - мысль...

- Ну и о чем это, по-твоему, говорит? - как-то невнимательно справился Иванов, который был как раз специалист по линии языка.

Вера Симонович тем временем разливает по чашкам чай из старинного посеребренного самовара, аппарата такой ухоженности, что в него посмотреть приятно, и изо всех сил пытается не показать, что гости ей остро не ко двору. Митя Книгер читает газету поверх очков. Его жена Маша, которая тоже носит очки, наблюдает закат, и сквозь стекла с диоптриями видно, как в ее глазах набухает задумчивая слеза. Девочки Симоновичей, Оля и Люба, играли в мяч.

- Это нам говорит о том, - отвечает Сережа Чижиков, - что происхождение языка не эволюционно, а революционно, что язык есть продукт какого-то качественного скачка... Если мысль, так сказать, техническая, - продолжает Чижиков, - доступная и животным, скажем бобрам, не нуждается в слове, а мысль высокая и слово неразделимы, то законно будет предположить неземное происхождение языка...

Над Угрой откуда ни возьмись низко повис туман, солнце незамедлительно ударяется во что-то золотисто-жемчужное, вдруг смолкает электрическая пила. Тогда такая наступает тишина, что слышна заунывная песнь шального, зажившегося комара.

- ...Ведь что такое, собственно, человек? Человек есть мысль, обращенная на себя. Ясно, что мысль такого накала представляет собой явление вне природы, и, следовательно, язык - это дар, ниспосланный нам неизвестно когда, неизвестно как. Если, конечно, мы с вами непоколебимо стоим на том, что мысль есть слово, а слово - мысль.

- Так-то оно так, - вроде бы соглашается и в то же время не соглашается Иванов, - да только самые древние слова на всех языках звукоподражательны, и, видимо, человек воспроизводил их так же, как это делает попугай. Например, возьмите существительное «барабан»: по-русски это будет «барабан», по-французски - «tambour», по-немецки - «Trommel», по-английски - «drum». Посему логично будет предположить как раз эволюционное происхождение языка. По той простой причине, что, осваивая звуковое средство общения, человек на первых порах работал как попугай. Какое уж тут неземное происхождение слова, если собака начинает с «гаф», человек - с «агу»!

- Но ведь собака так и обходится одним «гаф», покуда не околеет, а человек, начиная с «агу», возвышается до категорического императива, который включает в себя прямо божественные слова!

- Именно?

- Именно: звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас, - у Канта это вроде бы звучит так.

...

К этому времени небо уже притухло, как керосиновые лампы тускнеют, когда кончается керосин. Первая, ярко-голубая, звезда проклюнулась и висит. За рекой, видимо на опушке леса, странно вопит какая-то ночная птица, и от этого звука всем делается немного не по себе.

- Ну так вот, - продолжает Чижиков, - человек начинает с «агу» и постепенно возвышается до осознания нравственного закона, который дан ему, как способность к прямохождению или слух. В том-то все и дело, что человек, взрослея, проходит те же этапы развития, что и человечество: от обезьяны до божества.

Иван Иванович спрашивает:

- Ну и о чем это, по-твоему, говорит?

- На мой непросвещенный взгляд, человечеству вообще зря, не по заслугам, достался дар членораздельной речи. Не понимаю, зачем ему разговаривать, если из десяти тысяч человек один - человек, а прочие так... млекопитающие, которые и говорят-то всю жизнь производными от «агу»!

- Если бы даже одному бобру из десяти тысяч бобров было чего сказать, - замечает Иван Иванович, - то членораздельной речью он бы владел не зря.

- Вот именно! - соглашается Маша Книгер. - Как бы там ни было, погоду делает тот самый один человек из десяти тысяч, достойный дара слова, который его получил не зря. Вот когда я была в Атлантик-Сити, я обратила внимание, что там у всех безумно симпатичные лица, но совершенно не с кем настоящему поболтать...

Чижиков тем временем гнет свое:

- Это нам говорит о том, что если человек проживает за свою жизнь всю историю человечества, если он последовательно проходит через первобытность, жестокость и самовлюбленность античности, средневековый фанатизм и так далее, - то вот что интересно: по нему можно самое отдаленное будущее человечества предсказать. Вы понимаете, к чему я клоню?

- Не совсем, - отвечает Петр.

- По крайней мере, - продолжает Чижиков, - из этого феномена со всей очевидностью вытекает, что членораздельной речью человек обзавелся прежде, чем он научился пилить-строгать. Материалисты утверждают, что слово есть следствие производственных отношений, но если Люба Симонович в три года овладевает одним из самых сложных языков в мире, а в пять лет научается завязывать шнурки бантиком, то, значит, слово есть Божий дар.

Легка на помине, Люба Симонович поднимается на веранду и начинает о чем-то шептаться с Верой. Через минуту та хлопает в ладоши и говорит:

- Так, товарищи! Сейчас у нас будет представление домашнего театра! Сценка называется «Три красавицы небес», выступают все Симоновичи, включая собачку Аккордеон.

Впервые за весь вечер из-под стола вылез взерошенный пес, нелепо оглядел компанию и зевнул.

- Кстати о четвероногих друзьях, - возглашает Митя Книгер и некоторое время молча смотрит поверх очков. - Агентство «Рейтер» сообщает, что в Гаване совершенно нечем кормить собак.

Торжественно растворяется дверь в избу, и на веранде одна за другой появляются: Вера в вечернем платье, с черепаховым гребнем в волосах, Люба, вся закутанная в белый оренбургский платок, с веером, повешенным на запястье, Ольга в материнском платье до пола и бархатной шляпке, которая налезает ей на глаза. Все трое принимают позы.

Три красавицы небес шли по улицам Мадрида... - поют Симоновичи на разные голоса и сопровождают пение довольно забавным танцем:

Донья Флора, Долорес и прекрасная Кларида.
Веселился весь народ на воскресном на гулянье,
Только нищий у ворот умолял о подаенье...

Аккордеон давился, но подвывал.

Митя Книгер зевал глазами, Чижиков, напротив, умильно наблюдал за представлением, Иван Иванович - непроницаемо, Маша смотрела в небо.

И было на что, действительно, посмотреть: уже не вечер, но еще и не ночь, небо темно-бирюзовое, в ранних звездах есть что-то воспаленное, похожее на сыпь, вся западная сторона затянута низким-пренизким серым облаком, точно кто одеяло набросил на горизонт.

Вдруг представление прерывается, Любовь начинает топтать ногами, тонко плакать и наконец убегает в дом. Вера идет вслед за ней, через минуту возвращается и объявляет:

- Люба разнюнилась оттого, что на нее никто не смотрит. Начинаем сначала! Так: все смотрим на Любовь. Петь, заводим мотив...

И опять:

Три красавицы небес шли по улицам Мадрида,
Донья Флора, Долорес и прекрасная Кларида.
Веселился весь народ на воскресном на гулянье,
Только нищий у ворот умолял о подаенье...

Вдали послышался звук мотора, и все навестили уши. Вообще тишина в этих местах такая, что любой превходящий звук слышен очень издали.

Представление вдругорядь прерывается, но на этот раз без скандала; впрочем, по выражению лица Веры хорошо видно, что она устала прятать от гостей боль.

Чижиков говорит:

- Тут еще вот какая имеется закавыка: человеку даны готовые органы речи - например: голосовые связки, и, следовательно, он в физиологическом порядке загодя был подготовлен к речи, можно даже сказать, что человек изначально был обречен однажды заговорить.

- Так-то оно так, - вроде бы соглашается и в то же время не соглашается Иванов, - однако голосовые связки, равно как и кисть руки, - это продукт развития, и, следовательно, человек есть не только мысль, обращенная на себя, человек - это еще процесс. То есть я хочу сказать, что в течение многих миллионов лет голосовые связки сами собой развивались сообразно возможностям и потребностям языка.

- Но ведь сама способность эволюционировать в идеальном направлении есть в своем роде предопределенность, не так ли?

- Это, положим, так.

У ворот Симоновичей со скрипом тормозит «газик», принадлежащий одному чудачу из соседней деревни Ванино, по фамилии Молочков, который держал кроличью ферму, с десятком пчелиных ульев и промышленный огород. Он, подойдя к веранде, долго снимает допотопные рыжие брезентовые сапоги.

- С чем пожаловал? - спрашивает его Петр.

Молочков деликатно пристраивается с краю стола и отвечает:

- Да вот хотел спросить: вам крольчатина тушеная не нужна?

- Вроде бы не нужна...

- Тогда больше вопросов нет.

Молочков аккуратно берет со стола кусок черного хлеба и говорит:

- Рожь нынче в сапожках ходит.

Петр интересуется:

- Ну и почему нынче на рынке рожь?

- Три с полтиной за килограмм.

- Я когда была в Атлантик-Сити, - вступает Маша, - то обратила внимание, что в Америке безумно дешевые продукты питания, особенно мясо и молоко. Но черного хлеба там правда нет.

Сережа Чижиков говорит:

- Я думаю, это так следует понимать: дергаться не надо, то есть всякая деятельность, поступки, устремления - это только себе во вред. Вот, например, дети - они ничего не делают, между тем природа не знает существа более счастливого, чем дитя. Стало быть, идеальная метода существования такова: нужно расплываться, насколько это возможно, с внешними формами жизни и уйти в наслаждение от личного бытия. И ведь действительно счастье - это очень просто: счастье есть разум с его волшебными возможностями все квалифицировать и, как следствие, примирить.

- Кстати о детях, - говорит в свою очередь Иванов. - Вот лингвисты до сих пор не могут постичь феномен детского языка. Общеизвестно, что почти каждый младенец изобретает свой собственный язык, не имеющий ничего общего с родовым. Но ведь это нонсенс, чудо, это значит, что каждый сосунок - некоторым образом демиург!..

Молочков озирает компанию веселыми глазами, затем протяжно вздыхает и идет надевать свои допотопные сапоги. Через минуту его шаги слышатся уже возле калитки, но вдруг он возвращается пугательным, необычным шагом, причем на лице у него такая сложная мина, словно он только что привидение повстречал.

- Что такое? - настороженно спрашивает его Петр.

- Колеса с машины сняли. Пока я тут с вами прохлаждался, кто-то мои колеса уговорил.

- Да вроде бы некому у нас колеса воровать, - предполагает несмело Вера.

- Ну я не знаю... Стоит машина на кирпичках.

Молочков с минуту потоптался в растерянности и ушел. Только он ушел, как отключилось электричество, что вообще в Новых Михальках случалось довольно часто, и все как будто внезапно ослепли - такой наступил непроглядный мрак. Только звезды холодно блещут в небе да мало-помалу намечаются дымчато-черные пятна от облаков.

Долго ли, коротко ли, Симоновичи остаются одни: дети сидят на полу, Вера принимает пакетик альмагеля и после заговаривает свою язву словами, которые она вычитала в медицинском календаре. А Петр, подперев отяжелевшую голову рукой, искоса смотрит в небо и говорит:

- Каждый день одно и то же! Где, спрашивается, порыв, где горение, где полет?!

ЗАДАНИЕ 2.

Задание 2.

В истории литературы по уровню таланта принято делить поэтов на поэтов первого ряда, второго и третьего. Как бы вы разделили известных вам поэтов XVIII- начала XIX века (до 1830-х годов)? Выстроенную вами литературную иерархию поэтов обоснуйте конкретными примерами.

Максимальный балл – 30 баллов.